

КОНТИНЕНТ 21

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

И, может быть, в том, что именно в Полагаю необходимым предать глас-
России... с каждым днем множится ности случай с Богданом Ребриком —

число людей, про- он достаточно ха-
тивопоставляющих рактерен, но не
тотальному наси- все осмеливаются
лию лишь силу рассказывать о
своего духа, — мо- том, как их били,
жет быть, именно тогда как Богдан,
в этом высший мой многолетний
пример для истин- сокамерник, сам
ных поборников продиктовал мне
справедливости во подробности...
всем мире...

*Владимир
Чернявский*

*Эдуард
Кузнецов*

...олигархия функционеров — конечно, не движение к демократии, как
многим хотелось бы. Ведь сталинизм — это не просто прихоть или ошибка
Сталина. Это историче- ской сложившаяся ситуа-
ция, при которой функ- ция
управления такова, что кардинальные изме-
нения изнутри аппара- та невозможны. Конеч-
но, сейчас один функ- ционер не может схва-
тить и бросить в засте- нок другого, но все вме-
сте они могут это сде-

лать с кем угодно; и
если не всегда поса- дить, то затравить, за-
плевать, заставить эми- грировать или умереть.
Терроризм продолжает- ся, просто личный тер-
роризм Сталина заме- нен терроризмом ма-
шины, создателем кото-
рой он считается.

Эрнст Неизвестный

Литовскому народу выпало немало С какого-то момента материалы от
страданий — такова уж воля Прови- ходоков стали преобладать в доку-
дения. Заботясь только о будущем ментах Группы... каждое обращение

своего народа, в Хельсинкскую
мечтаю о том, что- группу в советских
бы никогда боль- условиях есть акт
ше литовцы не борьбы за граж-
стреляли в невин- данские права —
ных и беззащит- свои или своих
ных... единомышленни-

И тут главная роль ков. «Ходоки» —
должна принадле- тоже правозащит-
жать Церкви. ники...

*Антанас
Терляцкас*

*Людмила
Алексеева*

ВИКТОР СОСНОРА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Лениздат, 1977

Книга Виктора Сосноры — это, по сути, избранное. Это стихи из всех четырех предыдущих книг поэта. И — что бывает нечасто — в это избранное вошли действительно лучшие, наиболее глубокие и совершенные стихи почти за двадцать лет творчества.

Я — всадник, я — воин, я в поле один.
Последний — династии вольной орды.
Я всадник. Я воин. Встречаю восход
С повернутым к солнцу веселым виском.

Еще во второй книге Сосноры «Триптих» в полной мере проявился поэт, сочетавший в себе традицию XIX века (ту национальную линию варяжских корней Руси, что связана прежде всего с именем А. К. Толстого) и дробленую картину мира, ставшую знаком двух последних десятилетий.

Может быть, Соснора единственный из всего поколения поэтов «медного века», ничем не обязанный веку «серебряному». То чувство России, которое внесли в наше сознание Хомяков, Аксаков и в особенности К. Леонтьев, то открытие корней, которое от Державина до А. К. Толстого было воистину народным, вопреки сладковатым образам умиленно-злого Н. А. Некрасова, вдруг зазвучало в стихах Сосноры. И сочеталось в них с диссонансной музыкой наших дней.

Поэзия Сосноры — сопротивление национальной обезличке. А для такого сопротивления нужны крепкие корни. Как писал акад. Лихачев, стихи Сосноры «рождаются из преодоления обыденной речи, из находок в самых недрах русского языка, идеи рождаются у самых корней слов».

«И обращусь я к самодержцу: — Ты в самом деле / Сам держишься, и сам все держишь? / — Все держит стража! / И сам немножечко держусь. Народ, навроде / меня поддерживает сам... как скажет стража...»

Из одного только слова «самодержец» вытягивает поэт картину, имеющую к временам татарского нашествия такое же отношение, как и к нашим дням. Так поиски корней сло-

весных ведут к открытию корней исторических, еще раз подтверждая, что «в начале было Слово».

Когда в легендарном Городе, где до самодержца и его стражников «верность почиталась вровень с богами хлеба», все почти становятся в той или иной степени предателями, герою поэмы остается только положить на площадь двенадцать головок лука. Луковки церквей? боевой ли лук? или — «...лук последнее растение живой природы, и в эту эру торгающее слезы». Символ многозначен. Это и совесть, и верность, и сопротивление... И люди, заплавав, снова становятся людьми. «Но не забыли / меня казнить, и не забыли / зарыть двенадцать головок лука / в ближайший омут». Но когда взойдут луковые перья, живое опять объявится, и самодержцу — конец, ибо историческая память, выйдя из омута, не даст терпеть Зло. «И голова моя взойдет предупреденем: / я не последний из казненных, не последний». Историческая память — то, что дает людям силы не принимать никакой навязанной им «действительности». И хотя в последнее время тактику сменили — вместо того, чтобы глушить историческую память, ее просто фальсифицируют, но необходимость восстанавливать связи с корнями не миновала, это делать стало еще труднее... И в том значении поэзии Виктора Сосноры, что он эту связь восстанавливает каждой строкой, пишет ли он о Гомере или о скоморохах времен Киевской Руси:

И грустить не надо, / даже — в самый крайний,
Даже на канатах — / играйте, играйте.

На пепелищах, говорит он, люди плачут, поэты юродствуют. А юродивые на Руси отвеку почитались пророками...

А кругом все больше пустыни, все меньше скоморохов... чуть ли не половина тех поэтов, которые так ярко и искренне взвились на волне конца пятидесятых, перестала быть. «Одни — в никуда, а другие — в князья», как поет Галич. Но дорожка эта не для Бояна, главного героя многих стихов и поэм Сосноры. Стихотворение о смерти Бояна кончается так: «В ночь казни смутилось шестнадцать полков Ярослава / Они посмущались, но смуты не произошло». В такой обстановке всеобщего предательства собой остается только тот, для кого сопротивление, желание остаться собой — не фронда, а просто единственный способ существования.

Меч мой чист. И призыванье дано мне.
В одиночку — с разгульной ордой.
Я один. Над одним надо мною
Дождь идет, дождь идет, дождь идет.